

УДК 821.161.1 Толстой

*К.А. Нагина***«РОЕВАЯ ЖИЗНЬ» И РАДОСТЬ БЫТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. ТОЛСТОГО**

Автор статьи обращается к изучению художественного бестиария Л. Толстого, важнейшей составляющей которого являются маленькие существа – мухи, комары и пчелы. Главная функция насекомых в мире писателя – обозначать радость бытия. Появление насекомых влечет за собой смену ролей у автореферентного героя: из наблюдателя он превращается в участника жизненного процесса. Объектом для анализа служат сцены в повестях «Детство», «Юность», «Семейное счастье», «Казачьи», романах «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». Автор статьи различает функции комаров и мух в текстах Л. Толстого. Мухи связаны с дневной радостью, комары – с ночными «удовольствиями». Исследуется сцена эпифанического мгновения в повести «Казачьи», когда в логове оленя герой переживает опыт самопознания и познания бытия. Символическая роль комаров подкрепляется мифологической составляющей, восходящей к мифу о Дионисе. Мухи и комары в произведениях Л. Толстого соединяются с концепцией «роевой жизни», которую должно вести все человечество.

Ключевые слова: Л. Толстой, художественный бестиарий, «роевая жизнь», инсектные мотивы, эпифания.

Художественное и философское пространство творчества Л.Н. Толстого наполняют «мириады» маленьких существ: мух, комаров, букашек и пчел. Все они являются не только полноправными участниками бытийного процесса, но и помогают толстовскому человеку найти свой путь в океане жизни, одновременно способствуя постижению тайн смерти.

Первая и, пожалуй, главная функция насекомых у Толстого, явно происходящая из их роевой природы, – обозначать радость бытия. Эта символическая функция напрямую связана с идеей писателя о тотальной ассимиляции всего сущего, о проникновении всего во все. Такое упоминание о насекомых всегда является сигналом смены ролей у автореферентного героя: из наблюдателя он должен превратиться в участника происходящего, должен «проникнуться» тем, что происходит в природе, и прикоснуться к «разуму внутри живого».

Первая сцена в подобном роде обнаруживается в третьей повести трилогии, в главе «Весна». Весеннее пробуждение природы становится эквивалентом пробуждению души Николеньки Иртеньева, и сад за окном говорит ему «про красоту, счастье и добродетель» [3. Т. 1. С. 192] как главные ориентиры бытия. Но в весеннем палисаднике, где только что растаял снег, не хватает главного: маленьких существ, олицетворяющих собой саму жизнь. Поэтому Толстой предпринимает неожиданный ход: чтобы объяснить то «сильное чувство», которое испытывает его герой, он совершает прыжок во времени и переносит читателя уже в другой сад – летний: «Случалось ли вам летом лечь спать днем в пасмурную дождливую погоду и, проснувшись на закате солнца, открыть глаза и в расширяющемся четырехугольнике окна, из-под полотняной шторы, которая, надувшись, бьется прутком об подоконник, увидеть мокрую от дождя, тенистую, лиловатую сторону липовой аллеи и сырую садовую дорожку, освещенную яркими косыми лучами, услышать вдруг веселую жизнь птиц в саду и увидеть насекомых, которые выются в отверстиях окна, просвечивая на солнце, почувствовать запах последождя воздуха и подумать: “Как мне не стыдно было проспать такой вечер”, – и торопливо вскочить, чтобы идти в сад порадоваться жизнью? Если случалось, то вот образчик того сильного чувства, которое я испытывал в это время [3. Т. 1. С.192-193].

Переход от «Чужака» к «Обитателю» здесь вполне очевиден. Начиная, с этого пассажа, насекомые в произведениях Толстого будут появляться в двух равноправных контекстах: в «оконном» и «садовом» / «лесном». В обоих случаях они будут устойчиво связаны с небесными светилами и природными реалиями.

Вопреки традиционным негативным символическим ореолам, окружающим некоторых из них (мух, к примеру), все насекомые, включенные в названные контексты, у Толстого обладают ярко выраженной позитивной семантикой. К «солнечному» миру принадлежат мухи, пчелы и комары, к «лунному» – только последние. «Инсектный» текст в творчестве писателя не позволяет воспринимать муху в качестве «безошибочного знака смерти», как это делает Оге А. Ханзен-Леви [4]. Указание на присутствие «большого “Оно” или “Ничто”» – ее оборотная функция. Муха у Толстого, как двуликий бог «входа и выхода» Янус, имеет два лица, указывая на «пир жизни» и «тризну смерти».

Называя муху «дионисийским животным» [5. С. 550], Оге А. Ханзен-Леве отмечает ее присутствие в тех местах, где умирает, живет и разлагается плоть. У Толстого муха оказывается в локусах совершенно противоположных – там, где совершает свой праздник жизнь, с чем связывается «ревалвация» ее устойчивого образа. Прародителем и «рассадником» (в позитивном смысле) мух у Толстого оказывается солнце и идущее от него тепло, что включает муху, наряду с пчелой, в число аполлонических насекомых. С нарочитой простотой, свойственной «Русским книгам для чтения», писатель связывает муху и солнце в рассуждении «Солнце – тепло»:

«Посмотри летом: реки бегут, шумят; в каждой лужице лягушки кричат, бубулькают; птицы перелетывают, свистят, поют; мухи, комары вьются, жужжат; деревья, травы растут, махаются. <...> Нет тепла – все мертво; есть тепло – все движется и живет. Мало тепла – мало движенья; больше тепла – больше движенья; много тепла – много движенья; очень много тепла – и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свете? Тепло от солнца» [3. Т. 10. С. 201].

В логике Толстого солнце – огромная печь, нагревающая жизнь. Жизнь – это движение. Следовательно, самым ярким выразителем этой жизни являются те, кто стремительно движется, – насекомые. Хаотичность, нелинейность этого движения не настораживает писателя, не наводит его на мысли о «бесцельном и бессмысленном “кружении” в рое» [5. С. 550], напротив, за этим видится ему «бессознательная, общая роевая жизнь», где каждое существо неизбежно «исполняет предписанные ему законы» [3. Т. 6. С. 10]. Так муха самым неожиданным образом утверждается в правах солнечного насекомого, воплощающего радость бытия. Начиная с «Юности», эта тенденция проходит через все творчество писателя, включая поздние дневниковые записи.

В «Юности» с мухами и солнцем связано не только весеннее пробуждение Николеньки, но и летнее переживание семейной гармонии:

«Около первого окна, с опущенной на солнце небеленой холстинной сторой, сквозь скважины которой яркое солнце кладет на все, что ни попадется, такие блестящие огненные кружки, что глазам больно смотреть на них, стоят пальцы, по белому полотну которых тихо гуляют мухи. За пальцами сидит Мими, беспрестанно сердито встряхивая головой и передвигаясь с места на место от солнца, которое, вдруг прорвавшись где-нибудь, проложит ей то там, то сям на лице или на руке огненную полосу. Сквозь другие три окна, с тенями рам, лежат цельные яркие четырехугольники; на некрашеном полу гостиной, на одном из них, по старой привычке, лежит Милка и, насторожив уши, вглядывается в ходящих мух по светлому четырехугольнику. Катенька вяжет или читает, сидя на диване, и нетерпеливо отмахивается своими беленькими, кажущимися прозрачными в ярком свете ручками или, сморщившись, трясет головкой, чтоб выгнать забившуюся в золотистые густые волосы бьющуюся там муху» [3. Т. 1. С. 289-290].

В повести «Семейное счастье» «летучесть» мух сближает их с мечтами: «Двери были закрыты, ставешки были в окнах, какая-нибудь муха или комар, колеблясь, жужжали на одном месте. И мне хотелось никогда не выходить из этой комнатки, не хотелось, чтобы приходило утро, не хотелось, чтобы разлетелась эта моя душевная атмосфера, окружавшая меня. Мне казалось, что мои мечты, мысли и молитвы – живые существа, тут во мраке живущие со мной, летающие около моей постели, стоящие надо мной» [3. Т. 3. С. 86].

Здесь мухи – и знак душевной гармонии, и знак любви: «Я тогда еще не знала, что это любовь, я думала, что это так всегда может быть, что так даром дается это чувство» [3. Т. 1. С. 290].

В развитии этого «мушиного» сюжета Толстой, как всегда, последователен. В «Анне Карениной» он еще основательнее вписывает мух в контекст любовных хлопот. Теперь речь идет о переживаниях Сергея Ивановича Кознышева и Вареньки, слегка влюбленных друг в друга.

Сергей Иванович – человек рациональный и рассудительный, не пользующийся особой симпатией Толстого, в отличие от его младшего брата, Константина Дмитриевича Левина. Братья сильно отличаются друг от друга, и основное различие состоит в их бытийной позиции: Сергей Иванович по природе своей – наблюдатель, интересующийся вещами умозрительными, а Константин Дмитриевич – активный участник жизненного процесса, мысли и чувства которого дисциплинирует только жизненная практика. Нельзя сказать, что Левин любит мух, но он воспринимает их существование как само собой разумеющееся. Мухи для него, как и для самого Толстого, связаны с солнцем и радостью бытия. В этом отношении показательна сцена косьбы, во время которой герой чувствует особое единение с мужиками и окружающим миром:

«Тюрька была так вкусна, что Левин раздумал ехать домой обедать. Он пообедал со стариком <...> Он чувствовал себя более близким к нему, чем к брату, и невольно улыбался от нежности, кото-

рую он испытывал к этому человеку. Когда старик опять встал, помолился и лег тут же под кустом, положив себе под изголовье травы, Левин сделал то же и, несмотря на липких, упорных на солнце мух и козявок, щекотавших его потное лицо и тело, заснул тотчас же и проснулся, только когда солнце зашло на другую сторону куста и стало доставать его» [3. Т. 8. С. 281].

А вот про Сергея Ивановича Толстой считает нужным сообщить, что тот «терпеть не мог мух и в своей комнате отворял окна только ночью и старательно затворял двери» [3. Т. 8. С. 283]. В словах Левина, спешащего поведать брату о радостях косябы, мухи по вполне понятному ходу мыслей соединяются с «наслаждением»:

«— Батюшки! На что ты похож! — сказал Сергей Иванович, в первую минуту недовольно оглядываясь на брата. — Да дверь-то, дверь-то затворяй! — воскликнул он. — Непременно впустил десяток целый. <...>

— Ей-богу, ни одной. А если впустил, я поймаю. Ты не поверишь, какое наслаждение!» [3. Т. 8. С. 283].

Неприязнь Сергея Ивановича к мухам связывается с его неспособностью обзавестись подругой жизни, сделать предложение Вареньке. Кознышев долго раздумывает над тем, стоит ли ему жениться. Решающий разговор должен произойти вор время коллективного сбора грибов, в котором участвуют Сергей Иванович, Варенька и дети. Мухи, в этой сцене напрямую соотнесенные с пчелами и вписанные в столь любимую Толстым «роевую» жизнь, соединяются здесь с грибами, обладающими, как известно, свадебной и эротической символикой. Солнце, мухи и грибы неожиданно показывают Сергею Ивановичу, какое счастье может испытать человек, включенный в совершающееся здесь и сейчас бытие:

«Вокруг него было совершенно тихо. Только вверх берез, под которыми он стоял, как рой пчел, неумолкаемо шумели мухи, и изредка доносились голоса детей. Вдруг недалеко с края леса прозвучал контральтовый голос Вареньки, звавший Гришу, и радостная улыбка выступила на лицо Сергея Ивановича. Сознав эту улыбку, Сергей Иванович покачал неодобрительно головой на свое состояние и, достав сигару, стал закуривать. Он долго не мог зажечь спичку о ствол березы. Нежная пленка белой коры облепляла фосфор, и огонь тух. Наконец одна из спичек загорелась, и пахучий дым сигары колеблющеюся широкою скатертью определенно потянулся вперед и вверх над кустом под спускавшиеся ветки березы. Следя глазами за полосой дыма, Сергей Иванович пошел тихим шагом, обдумывая свое состояние» [3. Т. 9. С. 143]. «...И когда это впечатление вида Вареньки слилось в одно с поразившим его своею красотой видом облитого косыми лучами желтеющего овсяного поля и за полем далекого старого леса, испещренного желтизною, тающего в синей дали? Сердце его радостно сжалось. Чувство умиления охватило его» [3. Т. 9. С. 144-145].

Неоднократно в своих произведениях Толстой показывает, что благотворное влияние природы может ощутить на себе любой человек, вступающий с ней в коммуникацию. Однако итог этой коммуникации всегда различен: персонажи, подобные Николеньке Иртеньеву, Дмитрию Ленину, Константину Левину прозревают смысл бытия и наполняются радостью и любовью, подобные же графу Турбину и Сергею Ивановичу Кознышеву, возвращаются к своему исходному состоянию. Как выражается Кити, их «не берет» то, что «берет» ее саму и ее мужа. Кстати сказать, мухи присутствуют и в детской, где спит сын Кити и Левина Митенька, и никто не ведет с ними такой фанатичной борьбы, как Сергей Иванович: «Агафья Михайловна вышла на цыпочках; няня спустила стору, выгнала мух из-под кисейного полога кровати и шершня, бившегося о стекла рамы, и села, махая березовою вянущею веткой над матерью и ребенком» [3. Т. 9. С. 381].

Так мухи и отношение к ним оказываются характерологической подробностью, не просто дополняющей портреты двух братьев, но способствующей прояснению их жизненных позиций.

В контекст радости бытия и весеннего пробуждения природы эти насекомые вписаны и в последнем романе Л.Н. Толстого, в «Воскресении». Они являются частью той сцены, которая открывает роман и противопоставляет исполненный красоты и гармонии «мир божий» изломанному и порочному миру цивилизации:

«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно гото-

вили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди – большие, взрослые люди – не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом» [3. Т. 13. С. 7-8].

Если мухи в произведениях Толстого связаны с «солнечной», дневной радостью, то с ночными «удовольствиями», соответственно, связаны комары. И слово «удовольствие» здесь отнюдь не случайно – оно соединяется с комарами сразу, как только те обнаруживают себя в толстовских текстах, и происходит это в главе «Юность» последней части трилогии: «После ужина и иногда ночной прогулки с кем-нибудь по саду – один я боялся ходить по темным аллеям – я уходил один спать на полу на галерею, что, несмотря на миллионы ночных комаров, пожиравших меня, доставляло мне большое удовольствие» [3. Т. 1. С. 290]. Эта глава играет огромную роль в «тексте сада» Толстого, начинающего свое разворачивание как раз в повестях «Детство» и «Юность». Речь идет об эпифанических мгновениях, которые переживают автореферентные герои писателя в саду или лесу. Толстой демонстрирует восходящее развитие Эроса: точкой отсчета становятся эротические мечтания персонажей, трансформирующиеся в томление смертного и ограниченного существа по Вечности. Первый опыт в подобном роде переживает Николенька Иртеньев. На первом этапе он мечтает о любви и счастье, и эти мечтания сопровождают комары: «И вот тогда-то я ложился на свою постель, лицом к саду, я, закрывшись, сколько возможно было, от комаров и летучих мышей, смотрел в сад, слушал звуки ночи и мечтал о любви и счастья» [3. Т. 1. С. 290]. Комары предвещают и появление объекта эротических фантазий – «ее», идеальной и прекрасной возлюбленной: «И тогда все получало для меня другой смысл: и вид старых берез <...>, и звук перепела над прудом, и голос человека с большой дороги, <...> и жужжание комара над ухом под одеялом, <...> и прыжки лягушек <...>, – все это получало для меня <...> смысл слишком большой красоты и какого-то недоконченного счастья. И вот являлась она, с длинной черной косой, высокой грудью, <...>, с сладострастными объятиями» [3. Т. 1. С. 291-292].

Кульминацией в этом медитативном восхождении Николеньки становятся мгновения самопознания и познания бытия, в которые его душа соединяется со всем сущим и с «источником всего прекрасного и благого» – с Богом: «...и мне все казалось в эти минуты, что как будто и природа, и луна, и я, мы были одно и то же» [3. Т. 1. С. 292].

Выходит, что присутствие комаров здесь далеко не случайно. Они, как и мухи, своей роевой жизнью свидетельствуют о взаимопроникновении всего сущего и каким-то образом – своим монотонным жужжанием и «пожиранием» героя – подталкивают его к эпифаническому мгновению. Усомниться в этом не позволяет повесть «Казачки», где подобная «медиаторная» функция комаров уже явлена со всей очевидностью.

Комары в этой повести – активные спутники жителей станицы, неустрашимая часть бытия: «Девки в подоткнутых рубашках, с хворостинами, весело болтая, бегут к воротам навстречу скотине, которая толпится в облаке пыли и комаров, приведенных ею за собой из степи. Сытые коровы и буйволицы разбредаются по улицам, и казачки в цветных бешметах снуют между ними. Слышен их резкий говор, веселый смех и визги, перебиваемые ревом скотины» [3. Т. 3. С. 167]. Комары не оставляют в покое казаков ни ночью, ни днем: «Равномерные ночные звуки шуршанья камышин, храпенье казаков, жужжанье комаров и теченье воды прерывались изредка то дальним выстрелом, то бульканьем отвалившегося берега» [3. Т. 3. С. 180]; «Народ выходил из станицы – кто на работы, кто на реку, кто на кордоны. Охотники шли рядом по сырой, поросшей травой дороге. Собаки, махая хвостами и оглядываясь на хозяина, бежали по сторонам. Мириады комаров вились в воздухе и преследовали охотников, покрывая их спины, лица и руки» [3. Т. 3. С. 222-223].

Этими пассажами подготавливается появление комаров в лесу, где они сыграют чуть ли не главную роль в том, что произойдет с героем в логове оленя.

Толстой выделяет два основных способа познания «внешнего мира»: один, «самый грубый и неизбежный», представляет собой «способ познания пятью чувствами», другой «состоит в том, чтобы, познав любовь к себе себя, познать потом любовью к другим существам эти существа; перенестись мыслью в другого человека, животное, растение, камень даже. <...> Это есть восстановление нарушенного как будто единения между существами. Выходишь из себя и входишь в другого. Все – слиться с Богом, со Всем» [2. Т. 52. С. 101]. Этот способ познания мира открывает Дмитрий Оленин, отождествляя себя с животными, которые окружают его в кавказском лесу: с комарами, фазанами и оленем. Особая роль в этом процессе принадлежит комарам, по своей функциональной символике

вполне сопоставимым с пчелами, связанными, в трактовке Оге А. Ханзен-Леве, с «хаотической сферой “роя”, то есть с диссоциированностью и бессознательностью дионисийского начала» [5. С. 540].

Миф о Дионисе, умирающем и вновь воскресающем боге, составляет подтекст мотивов крови, вина и плутовства, репрезентирующих дядю Ерошку, а также проявляется в сцене праздника урожая, представляющего собой отголосок дионисийских мистерий, и в том экстатическом состоянии, которое переживает герой, оказавшийся в оленьем логове. Во время Дионисийских мистерий человек «возвращается к природе через экстаз. Он забывает, что он разумное существо, что он духовное существо. Он, как оборотень, превращается в волка, в бегущую лань, в поток воды, в шум дерева, сливается в этой безумной пляске с самим мирозданием» [1. С. 138]. Нечто подобное переживает и Дмитрий Оленин.

Дионисийское начало в этой сцене поддерживают мотивы, связанные с комарами: с их «кружащимся, бесцельным роением» и с их главной способностью – жалить, пить кровь, невзирая на угрозу быть раздавленными тем, кто является их собственной жертвой. Подобная трактовка сущности комаров у Толстого вновь сближает этих насекомых с пчелами, чье « жало и смерть <...> соотносятся с дионисийским миром и формой существования, где надо всем доминирует “жертва”, то есть самопожертвование и тотальное самоотвержение» [5. С. 541].

Чтобы стать частью кавказского леса, Оленину в буквальном смысле слова следует принести себя в жертву, отдать на съедение комарам, «менадам» кавказского леса:

«День был совершенно ясный, тихий, жаркий. Утренняя свежесть даже в лесу пересохла, и мириады комаров буквально облепляли лицо, спину и руки. Собака сделалась сивою из черной: спина ее вся была покрыта комарами. Черкеска, через которую они пропускали свои жалы, стала такою же. Оленин готов был бежать от комаров: ему уж казалось, что летом и жить нельзя в станице. Он уже шел домой; но, вспомнив, что живут же люди, решился вытерпеть и стал отдавать себя на съедение. И, странное дело, к полдню это ощущение стало ему даже приятно. Ему показалось даже, что ежели бы не было этой окружающей его со всех сторон комариной атмосферы, этого комариного теста, которое под рукой размазывалось по потному лицу, и этого беспокойного зуда по всему телу, то здешний лес потерял бы для него свой характер и свою прелесть. Эти мириады насекомых так шли к этой дикой, до безобразия богатой растительности, к этой бездне зверей и птиц, наполняющих лес, к этой темной зелени, к этому пахучему, жаркому воздуху, к этим канавкам мутной воды, везде просачивающейся из Терека и булькающей где-нибудь под нависшими листьями, что ему стало приятно именно то, что прежде казалось ужасным и нестерпимым» [3. Т. 3. С. 226].

На первый план здесь выдвигается амбивалентный характер дионисийской жертвы: взаимодействие «отдачи и взятия, активности и пассивности, жизни и смерти». К Оленину – жертве комаров – присоединяются фазаны – жертвы Оленина, и герой включается в общую цепь бытия, достигая сознания «причастности ко Всему»: «“...около меня копошатся фазаны, выгоняя друг друга, и чувствуют, может быть, убитых братьев”. Он пощупал своих фазанов, осмотрел их и отер теплоокровавленную руку о черкеску. “Чувствуют, может быть, чакалки и с недовольными лицами пробираются в другую сторону; около меня, пролетая между листьями, которые кажутся им огромными островами, стоят в воздухе и жужжат комары; один, два, три, четыре, сто, тысяча, миллион комаров, и все они что-нибудь и зачем-нибудь жужжат около меня, и каждый из них такой же особенный от всех Дмитрий Оленин, как и я сам”. Ему ясно представилось, что думают и жужжат комары. “Сюда, сюда, ребята! Вот кого можно есть”, – жужжат они и облепляют его. И ему ясно стало, что он несколько не русский дворянин, член московского общества, друг и родня того-то и того-то, а просто такой же комар, или такой же фазан или олень, как те, которые живут теперь вокруг него. “Так же, как они, как дядя Ерошка, поживу, умру. И правду он говорит: только трава вырастет”» [3. Т. 3. С. 227].

Отказ от индивидуальности, радостное подчинение естественно-стихийному, экстатическое ощущение радости от свершающегося бытия, составляющие основу дионисийского мифа в «Казаках», в этой сцене органично сопрягаются с танатическими мотивами, сопровождающими комаров в народно-поэтической традиции.

Ассимилировать саму смерть как раз и призвана «роевая жизнь», которую, подобно пчелам, комарам и мухам, должно вести все человечество. Свое метафорическое и идейное выражение эта концепция получает в историософских отступлениях романа «Война и мир», где история называется «бессознательной, общей, роевой жизнью человечества» [3. Т. 6. С. 10]. Именно эта метафора как нельзя лучше подходит писателю для объяснения сути как исторического процесса, так и человеческой жизни. В первом случае «каждое действие <...> в историческом смысле не произвольно, а нахо-

дится в связи со всем ходом истории и определено предвечно» [3. Т. 6. С. 12], а человеческая жизнь на высшем своем уровне есть «жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы» [3. Т. 6. С. 10].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мень А. Мировая духовная культура: Лекции. М.: Фонд им. А. Меня, 2005. 249 с.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.-Л.: «Художественная литература», 1928–1958.
3. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: «Художественная литература», 1978–1984.
4. Ханзен-Лёве А. В конце туннеля... Смерти Льва Толстого [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/o16-pr.html>
5. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

Поступила в редакцию 21.02.2019

Нагина Ксения Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394000, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10
E-mail: kafruslit@gmail.com

K.A. Nagina

“SWARM LIFE” AND THE JOY OF BEING IN THE WORKS OF LEO TOLSTOY

The author of the article refers to the study of the artistic bestiary of L. Tolstoy, the most important component of which is small creatures – flies, mosquitoes and bees. The main function of insects in the writer's world is to denote the joy of being. The appearance of insects entails a change in the role of a self-referencing character: he is transformed from an observer to a participant in the life process. The objects of the analysis are the scenes in the stories “Childhood”, “Youth”, “Family happiness”, “The Cossacks”, novels “War and Peace”, “Anna Karenina”, “Resurrection”. The author of the article distinguishes between the functions of mosquitoes and flies in L. Tolstoy's texts. Flies are associated with daytime joy, mosquitoes-with night “pleasures”. The scene of the epiphanical moment in the story “The Cossacks”, when in the deer's lair the character gains the experience of self-knowledge and cognition of life, is investigated. The symbolic role of mosquitoes is reinforced by the mythological component, which goes back to the myth of Dionysus. Flies and mosquitoes in the works of Tolstoy are combined with the concept of “swarm life”, which should be lead by all mankind.

Keywords: L. Tolstoy, artistic bestiary, “swarm life”, insect motives, epiphany.

REFERENCES

1. *Men' A.* Mirovaja duhovnaja kul'tura: Lekcii [World spiritual culture: Lectures]. Moscow, Fund of a name of A. Men, 2005, 249 p. (In Russian).
2. *Tolstoj L.N.* Poln. sobr. soch.: v 90 t. [Complete works in 90 volumes]. Moscow-Leningrad, State publishing imaginative literature, 1928–1958. (In Russian).
3. *Tolstoj L.N.* Sbr. soch.: v 22 t. [Collected works in 22 volumes]. Moscow, Imaginative literature, 1978–1984. (In Russian).
4. *Hanzen-Ljove A.* V konce tunnelja... Smerti L'va Tolstogo [At the end of the tunnel ... the death of Leo Tolstoy]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/o16-pr.html> (In Russian).
5. *Hanzen-Leve A.* Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifo-pojeticheskij simvolizm. Kosmicheskaja simvolika [Russian symbolism. The system of poetic motives. Mythopoetic symbolism. Space symbolism]. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt, 2003. 816 p. (In Russian).

Received 21.02.2019

Nagina K.A., Doctor of Philology, Professor at Department of history and typology of Russian and foreign literature
Voronezh State University
Lenina Square, 10, Voronezh, Russia, 394000
E-mail: kafruslit@gmail.com